

аспект, і фармальны, яно не супрацьпастаўляе моўныя стэрэатыпы ментальным, хутчэй, наадварот, аб'ядноўвае іх. Мы можам вывучаць стэрэатып як устойлівае (узнаўляльнае па памяці) спалучэнне семантычных і / або фармальных прыкмет, бо стэрэатыпізацыя ахоплівае семантычную (у першую чаргу) і фармальную плоскасць мовы.

Такім чынам, стэрэатып – міждысцыплінарнае паняцце, якое мае даволі разгалінаваную класіфікацыю і вывучаецца кожным прадстаўніком навукі ў залежнасці ад тых уласцівасцей, якія заўважаюцца з пазіцыі сваёй галіны даследавання. Міждысцыплінарнасць гэтай з'явы спараджае пэўнае змешванне паняццяў стэрэатып і канцэпт, што не спрыяе тэрміналагічнай упарадкаванасці, перашкаджае дакладна акрэсліць аб'ект даследавання, таму ў лінгвістыцы на сённяшні дзень выпрацаваны тэрэатычныя асновы іх размежавання. Лінгвістычная тэорыя стэрэатыпа заснавана на выкарыстанні фармальнага і семантычнага падыходаў даследавання, пры гэтым акрэслены экстралінгвістычныя і ўласналінгвістычныя паказчыкі стэрэатыпізацыі: нацыянальныя традыцыі, звычаі, рысы нацыянальнага характару, а таксама моўныя адзінкі – словы, фразеалагізмы, сінтаксічныя канструкцыі і г. д., якія ўтрымліваюць разнастайную канатацыйную афарбоўку. Стэрэатыпізацыя – гэта глыбінны працэс, у форме якога чалавек здзяйсняе структурыраванне свету ў мысленні і адначасова яго вербалізацыю.

ЛІТАРАТУРА

1. Quasthoff, U. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotypes / U. Quasthoff. – Frankfurt am Main, 1973.
2. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – 3-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.
3. Рыжков, В.А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности / В.А. Рыжков // Языковое сознание: стереотипы и творчество / В.А. Рыжков. – М., 1988. – С. 4–16.

4. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Потапова, О.В. Языковые этнические стереотипы и их представление в белорусской, русской и польской лексикографии XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Потапова. – Минск, 2005. – 152 л.
6. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
7. Исина, Г.И. Стереотипы и национальная языковая картина мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.И. Исина; Карагандинский гос. ун-т им. Е.А. Букетова. – Алматы, 2008. – 50 с.
8. Балаш, Т.В. Лингвоконцептуальный анализ художественного текста / Т.В. Балаш. – Минск: БГПУ, 2005. – 113 с.
9. Третьякова, Т.П. Английские речевые стереотипы: функционально-семантический аспект / Т.П. Третьякова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. – 128 с.
10. Бартоминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: [пер. с польского] / Е. Бартоминский. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
11. Крысин, Л.П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы / Л.П. Крысин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная моногр. / отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. – С. 450–455.
12. Кобозева, И.М. Конкретный пример лексико-семантического эксперимента: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева // Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – 3-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – С. 185–197.

SUMMARY

Stereotype is an interdisciplinary conception which has rather branched classification. Interdisciplinarity of this phenomenon arouses certain mixing of apprehensions of stereotype and concept therefore for today in linguistics theoretical principles of their sharing are worked out. Linguistic theory of stereotype is based on use of formalistic and semantic accesses to research and for all that extra-linguistic and proper linguistic factors of stereo typification are outlined: national traditions, customs, character features along with units of language – words, units of phraseology, syntactic constructs, etc which contain multifaceted connotative coloring.

Паступіў у рэдакцыю 30.03.2012 г.

УДК 81'42

А.И. Исмаилов

Бакинский славянский университет, Азербайджан

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА

Исследования в области теории текста приобретают в последнее время все больший размах благодаря не только возросшему интересу лингвистов к прагмати-

ческим и когнитивным парадигмам в системе языка-речи, но и в связи с интенсификацией изучения вопросов системных исследований, которые с середины XX столетия нашли ши-

рокое применение в лингвистических работах различных аспектов. При этом получило распространение мнение о том, что благодатным для системных исследований является, прежде всего, материал языка как системно-структурной организации. Что касается речи и речевой деятельности как процессов, продуцирующих определенные результаты, то они с точки зрения системных явлений не рассматривались в силу их качественных характеристик сугубо индивидуального, субъективного и во многом произвольного индивидуально-коммуникативного порядка. Считалось, что системность как онтологическая сущность не присуща речи (речевой деятельности) и не является для последней конститутивным свойством. По этой причине речевые явления, процесс речевой коммуникации, результат этого процесса – текст в плане системности серьезно не рассматривались.

Не углубляясь в полемику по поводу системности речи, речевой деятельности [1, с. 9–41], отметим весьма немаловажную деталь: вопрос о системной организации текста как результата речемыслительной деятельности серьезно не ставился. В самых известных работах по теории текста (И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, Т.В. Милевская, А.А. Мецлер, а также авторы коллективной монографии «Аспекты общей и частной лингвистической теории текста» и др.) основное внимание сосредоточивалось на отдельных семантических, структурных, функционально-целевых параметрах текста. Серьезное внимание уделялось изучению системы лексико-грамматических средств и способов, обеспечивающих так называемую цельность (связность, когерентность) текста [2]. Последняя даже стала метаязыковым обозначением, атрибутивно сопровождающим понятие «текст» – связный текст, что приводит к некоторому недоумению: существуют и несвязные тексты? Текст, если он является текстом в классическом понимании, должен быть связным, сконструированным целым, иначе – целостностью. Следовательно, атрибут «связный» выглядит бесспорным плеонастическим элементом в отмеченном словосочетании «связный текст». Как отмечает Т.В. Милевская, «связность является центральной категорией текста, его конституирующим признаком: не бывает бессвязного текста» [2, с. 66].

Иной раз в основу системности текста, на наш взгляд, не совсем аргументированно кладется категория коммуникативной ориентированности текста, исходя из того, что «коммуникативность текста определяет и системный состав текста – его расчлененность на выска-

зывания разного объема, сложности и модальности, а также образование в тексте относительно самостоятельных групп высказываний» [1, с. 61–62].

Е.В. Сидоров особо подчеркивает «относительно самостоятельные группы высказываний» в архитектонике текста и, тем самым, системность организации последнего. При этом во главу угла аргументации ставится фактор наличия в каждом тексте текстообразующей конструкции, «подсистемы текста», в качестве которой принимается сложное синтаксическое целое (ССЦ), иначе, сверхфразовое единство.

Внутренняя противоречивость данного подхода излагается самим автором: «...в современной лингвистике сформировалось целое направление, занимающееся выяснением закономерностей устройства сверхфразовых единств, или сложных синтаксических целых... если и дальше следовать лингвистической традиции, то логично представить текст как совокупность связанных между собой сверхфразовых единств, а основной проблемой, которую нужно решать для того, чтобы выяснить, что представляет собой текст, становится проблема способов и средств связи между предложениями в составе сверхфразовых единств и между сверхфразовыми единствами в составе текста» [1, с. 86]. Отсюда вытекает идея первозначимости проблемы связности текста, проблемы, решение которой зачастую подменяет собой осмысление многих других параметров текста. Е.В. Сидоров совершенно справедливо считает преувеличением признание связности (когерентности) текста сущностной характеристикой текста: «На самом деле, разве текст создается, чтобы быть связным?... Вполне обоснованно можно утверждать, что связность представляет собой одно из важнейших (подчеркнуто автором. – А. И.) свойств текста, обеспечивающих выполнение текстом своей регулятивной, системной, социальной функции» [1, с. 86–87].

Действительно, выдвигание параметра связности на первый план определения системной организации текста выглядит более чем неубедительно, во-первых, потому, что фактор облигаторной связности сложного синтаксического целого, который принимается при этом за плацдарм дальнейших действий, нельзя приравнивать к конститутивному свойству всего макротекста: сложное синтаксическое целое, будучи признано микротекстом, не может быть основанием для функционально-синтаксической ориентированности всего текста. И, во-вторых, нет текстов, сплошь со-

стоящих только из последовательного комплекса сложных синтаксических целых. Последние выделяются в макротексте как звенья, имеющие между собой «прокладки» – высказывания или целый ряд высказываний, не входящих в структурную сетку сложных синтаксических целых. В-третьих, синтаксический статус ССЦ определен не настолько, чтобы его принимать за базовую единицу грамматики текста. Существует мнение, что подобной базовой единицей синтаксиса текста является не сверхфразовое единство (или ССЦ), а абзац. Так, Л.Г. Фридман отмечает: «Границы каждой синтаксической единицы должны быть четко определены. Границы же ССЦ не только не определены, но по существу и не намечены вовсе... Какие-либо интонационно-структурные признаки, устанавливающие верхнюю и нижнюю границы этой единицы, авторами не приводятся» [3, с. 216].

Добавим, что, отмечая неаргументированность выдвижения ССЦ в качестве конститутивной структуры макротекста, Л.Г. Фридман в роли подобной единицы выдвигает абзац, который, по мнению автора, является сверхфразовой единицей, «обладающей набором релевантных признаков, качественно отличающих ее от единиц более низкого условия – предложений» [3, с. 217]. Более того, автор данного утверждения предпринимает попытки ставить знак равенства между функционально-речевым назначением предложения – высказывания и абзаца, считая номенклатуру речевых признаков предложения и признаков абзаца сходной: «абзацу, как и предложению, присущи интонационно-структурные и семантические признаки, что позволяет считать абзац, как и предложение, синтаксической единицей речи» [там же]. Прямо противоположное мнение наблюдаем в работах Е.А. Реферовской, которая пишет: «Сверхфразовое единство – сегмент речи – не может быть отождествлено с предложением, которое является единицей языка... Его не следует отождествлять и с абзацем, так как оно может как заключать лишь часть абзаца, так и распространяться за его границы» [4, с. 199].

Существующие прямо противоположные мнения свидетельствуют, прежде всего, о желании синтаксистов находить ту конститутивную семантико-структурную единицу, которая лежит в основе всякого текста и через которую можно было бы непротиворечиво квалифицировать языковой, системный статус текста. Однако очевидно, что амплитуда расхождений в осмыслении данного вопроса слишком большая и невозможно предвосхитить даже примерное направление поисков, могу-

щих обосновать более или менее оптимальные результаты в теоретической перспективе. Эти поиски желательны необходимы в целях системных разработок проблем как функциональной стилистики (особенно стилистики художественной речи) [5, с. 153], так и теории когнитивной семантики текста. «Между текстом и элементарным предложением... располагаются единицы, природа которых изучена крайне недостаточно. Их иерархические отношения представляются неясными, количество уровней постулируется каждым автором, исходя из специфических задач исследования какого-то частного объекта» [6, с. 139]. В справедливости такого заключения сомневаться не приходится.

Необходимо отметить, что в теории текста остается довольно много нерешенных вопросов, связанных с функционально-грамматическим статусом текстов (микро-, макротекстов), с когнитивно-семантической сущностью и этих единиц. Вместе с тем сложившееся положение во многом обусловлено крайней сложностью, многомерностью и многослойностью самого объекта – текста, который является сам по себе «кузницей» порождения речи, то есть превращения мысли-идеи в слово, материализации и объективизации мысли в слове (по Л.Г. Выготскому) и, наоборот, «процесса превращения слова в мысль, распределение слова, его субъективизация» [1, с. 37].

Вышесказанное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что на нынешнем этапе развития теории текста проблематично выдвигать окончательную теорию системности текста.

Попытки аргументированного обозначения контуров этой системности остаются во многом исследовательским желанием, та или иная форма реализации которого ни в коей мере не может претендовать на широкое признание ученых-синтаксистов.

Ниже мы рассмотрим положения, подтверждающие наше мнение о преждевременности (или неоправданности) речи, о системности текста вообще, то есть о квалификации данного объекта на плоскости строгой системности.

1. Иногда для того, чтобы иллюстрировать системность текста, прибегают к сравнению текста и основной единицы синтаксиса – предложения, идентифицируя коммуникативную нагрузку, когнитивно-коммуникативный смысл предложения и целого текста, если даже при этом плацдармом для сравнения берется конституент текста – сложное синтаксическое целое.

Предложение-высказывание не может быть приравнено к тексту в плане системной организованности принципиально. Систем-

ность предложения как языковой (синтаксической) единицы доказуема на уровне целого комплекса противопоставлений, координат-антиномий, каковыми являются:

а) структурная схема предложения (инвариант) и его речевые реализации; б) семантика структурной схемы и смысл отдельной ее речевой реализации; в) семантическая структура предложения и конкретное денотативное значение (сигнификативно-денотативное противопоставление значений предложения); г) парадигматико-синтагматическое противопоставление; д) противопоставление категориальных свойств (конституентов) предложения, каковыми являются предикативность (обобщенное грамматическое значение), модальность, синтаксическое время и лицо; е) противопоставление типов предложений по целеустановке и по оси реальности / ирреальности отображаемой действительности; ж) по оси верифицируемости / неверифицируемости (иначе утверждения / отрицания) и з) по сугубо функциональной антиномии – способности быть единицей коммуникации и служить формой существования мысли [7–8].

Мы привели неполный перечень системных, сущностных антиномий предложения. Однако и этого неполного перечня достаточно, чтобы продемонстрировать системную сущность предложения, которая берет свое начало на фоне противопоставления языка и речи (соответственно структурной схемы и ее пространственно-временных реализаций). Ведь установление структурной схемы предложения, то есть его инвариантно-отвлеченного образца, само по себе не самоцель. Такого рода образец-схема устанавливается на базе реальных единиц, составляющих парадигматический и синтагматический потенциал предложения-модели. Если в целях подтверждения системности микротекста, то есть ССЦ, позволительно будет говорить о структурной схеме сложного синтаксического целого, то это будет уже первый шаг в деле репрезентации системности текста. В данном случае мы имеем в виду системность самого объекта квалификации, системность параметров этого объекта, а не системность анализа, не системность исследовательских приемов квалификации: иногда эти две разнопорядковые (онтологическая сущность – объект и познавательные установки) вещи смешиваются. Такое положение присутствует, например, в работах Е.В. Сидорова: «Важнейшей стороной системности текста, – пишет автор, – является его функциональная определенность, то есть совокупность функций, выполняемых текстом в коммуникации. Выявление функцио-

нальной определенности текста есть одно из неперемных условий раскрытия общих закономерностей речевой организации» [1, с. 42]. Возникает резонный вопрос: как совокупность коммуникативных функций может выявлять системность текста? Вызывает сомнение также тезис об условиях раскрытия общих закономерностей структуризации, архитектоники речи вообще. Безусловно, можно с определенной долей убедительности говорить о системности порождения речи, о системности рече-производства (речевой деятельности), что, вне всякого сомнения, блестяще делается Е.В. Сидоровым. Однако, как было отмечено выше, системность процесса речемыслительной деятельности отнюдь не означает системность объекта – результата этой речевой деятельности. Иначе говоря, системность процесса и системность результата этого процесса не адекватны. Здесь не убеждает даже привлечение таких форм коммуникативной упорядоченности, как слитность – дискретность знаков и их последовательностей в структуре текста, интегративность, семиотическая иерархия, наличие семантического ядра и периферии, целесообразно-коммуникативный ритм и т. п. [1, с. 50].

Что касается парадигматико-синтагматического рисунка текста, который также привлекается автором, то подобное свойство языкового знака-выражения может быть определено лишь тогда, когда установлена инвариантная модель этой единицы. И коль скоро мы не имеем общепринятых принципов выделения инвариантной модели текста, то говорить о строго парадигматических возможностях текста любого объема, на наш взгляд, преждевременно. Думается, что в таком случае исследователь будет находиться во власти фиксации комплекса возможных синонимико-вариантных построений, которые не составляют парадигматическую систему (в строгом смысле слова) даже микротекста.

2. Вопрос системности текста не может быть, на наш взгляд, решен и на почве дифференциации аспектов коммуникативности, при которой противопоставляются три взаимосвязанных аспекта, свойства коммуникативности текста – внешняя сторона коммуникативности, внутренняя сторона коммуникативности и ее генетическая сторона [1, с. 57]. Внешний аспект коммуникативности связывается с возможностью приобретения коммуникативности при «взаимодействии текста с другими системными компонентами коммуникации» [там же]. «Внутренний аспект коммуникации текста представляется как интегральное... качест-

во речевого произведения... отражает обращенность качественной определенности речевой системности внутрь себя, ее обращенность к текстovým подсистемам, элементарным высказываниям, к компонентному составу и структуре» [1, с. 61].

Что касается генетического аспекта коммуникативности текста, то он связывается с процессом развертывания коммуникации, когда текст приобретает это основательное свойство – коммуникативность [там же].

Как видим, при всей стройности формулировок аспектов коммуникативности, предложенных Е.В. Сидоровым, сама идея раскрытия системности текста не получает окончательной квалификации, не оставляющей места для признания определенной условности и допустимости подобной квалификации. Текст – единица многомерная, объективно «трудноосмысливаемая». Для того чтобы адекватно определить его системность, следует анализировать, в первую очередь, системные параметры конститутивных составляющих текста. Иначе, как было нами отмечено выше, все попытки квалификации останутся внешне хорошо организованными формулировками. Заметим, что в качестве основного элемента структуры текста берется микротекст – сложное синтаксическое целое. При этом не учитывается тот факт, что текстов, включающих лишь некоторую последовательность ССЦ, вовсе не бывает, что тексты, как правило, включают ряд «синкретично-конгломератных» конструкций, которые трудно поддаются определению в качестве известных деталей композиции текста – простого или осложненного предложения-высказывания, сложного или усложненного предложения различных видов, так называемых периодов и т. д. Кроме того, на горизонте общих проблем текста в отмеченном выше ключе возникает проблема установления

удельного веса каждого из этих элементов в определении коммуникативной функции текста, которая может быть репрезентирована не только эксплицитным смыслом текста, его поверхностным значением, но и имплицитно-скрытым смыслом в структуре текста. Последнее, как известно, трудно поддается определению его границ – делимитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности / Е.В. Сидоров. – М.: Наука, 1987.
2. Милевская, Т.В. Связность как категория дискурса и текста / Т.В. Милевская. – Ростов н/Д, 2003.
3. Фридман, Л.Г. К вопросу о сверхфразовых единицах / Л.Г. Фридман // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков / Л.Г. Фридман. – Л.: Наука, 1975. – С. 216–221.
4. Реферовская, Е.А. Сверхфразовое единство (на материале французского языка) / Е.А. Реферовская // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков / Е.А. Реферовская. – Л.: Наука, 1975. – С. 190–205.
5. Сиротина, О.Б. Рецензия на книгу Гальперина И.Р. «Текст как объект лингвистического исследования» / О.Б. Сиротина // Вопросы языкознания. – 1981. – № 3. – С. 153–154.
6. Юганов, В.И. Единицы коммуникативно-информационного членения текста / В.И. Юганов // Содержательные аспекты предложения и текста / В.И. Юганов. – Калинин, Изд-во КГУ, 1983. – С. 134–141.
7. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста: коллект. моногр. – М.: Наука, 1982.
8. Адмони, В.Г. Содержательные и композиционные аспекты предложения / В.Г. Адмони // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков / В.Г. Адмони. – Л., 1975. – С. 5–12.

SUMMARY

The article refers to the systematic organization of the text. The author believes that at the present stage of development of the theory of the text, this approach seems to be more optimal and promising.

Поступила в редакцию 19.12.2011 г.